

О ТЮРКСКОМ ВЛИЯНИИ НА СЛОЖЕНИЕ КОМПЛЕКСА НОМАДНОЙ ЛЕКСИКИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ¹

В.И. Рассадин²

Как известно, основные современные монголоязычные народы - монголы (живущие в Монголии и Китае), ойраты (вместе с калмыками) и буряты (вместе с баргутами), - издавна обитающие на территории обширного степного пояса Евразии, традиционно считаются классическими кочевыми скотоводами, разводящими пять основных видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз. В монгольских языках с этими животными связан целый комплекс хорошо разработанной лексики, отражающий как сами разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т.п.

Еще в XVIII веке европейские ученые заметили наличие большого количества сходных терминов в области степного скотоводства между монгольскими и тюркскими языками. Выявленные ими общие тюрко-монгольские скотоводческие термины были отнесены к алтайскому праязыку. При дальнейшей работе с этими терминами алтаистам (например, Ц.Д. Номинханову [1959], А.М. Щербак [1961], К.А. Новиковой [1972; 1979], А. Рона-Ташу [1974]) удалось установить заимствованный характер многих из этих терминов, взятых монгольскими языками из тюркских, а тунгусо-маньчжурскими языками из монгольских. Г. Клосон, исследовавший тюрко-монгольскую языковую проблему [1962], тоже считает, что монгольские языки испытали сильное тюркское влияние.

Опираясь на тезис А. Рона-Таша [1974, с. 37] о том, что монгольские языки многие животноводческие термины заимствовали из протобулгарского языка, мы попытались провести комплексное сравнительное исследование тюркских и монгольских терминов внутри целого пласта номадной лексики. При этом основным критерием тюркского происхождения рассматриваемого термина для нас послужило его наличие в пратюркском и древнетюркском языке и распространение по современным тюркским языкам и невозможность этимологизации из монгольских языков. Кроме того, специалистами по этимологии тюркских языков убедительно доказано, что все эти видовые и половозрастные названия пяти видов скота, традиционно разводимые тюрками и представленные как в древнетюркском языке, так

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (грант № 07-04-923 06a/G)

² Калмыцкий государственный университет, Россия.

и в современных, унаследованы языками-потомками от общетюркского праязыка [Сравнительная грамматика тюркских языков ... 2001, с. 425] вместе с самим степным скотоводством номадного типа, пришедшим из глубины тысячелетий. Пратюркская форма была нами взята из данного источника [СГТЯ]. Источником древнетюркских форм послужил «Древнетюркский словарь» [1969]. Материал по современным тюркским языкам взят из имеющихся опубликованных словарей. Данные по старописьменному монгольскому языку почерпнуты из «Монгольско-английского словаря» Ф. Лессинга [1960], по современным монгольским языкам – из имеющихся опубликованных словарей.

В результате осуществленного сравнения были получены следующие результаты.

Удалось установить, что в области верблюдоводства вся основная терминология современных монгольских языков, как и старописьменного, имеет тюркское происхождение. Так, общее название верблюда х.-монг. *тэмээ*, калм. *темэн*, бур. *тэмээн*, староп.-монг. *temegen* имеет прототипом др.-тюрк. *tebe* «верблюд» (< пратюрк. **teuwe* id.). Др.-тюрк. *buyla* «верблюд-производитель» (< пратюрк. **buylar/*buylur* id.) в том же значении представлено в монгольских языках в виде староп.-монг. *buylur-a*, х.-монг. *буур*, калм. *буур* [*буурь*], бур. **буура* id.; др.-тюрк. *inän* «верблюдица» (< пратюрк. **ingän* id.) – староп.-монг. *inggen*, х.-монг. *ингэ*, калм. *ингн*, бур. *энгин* id.; др.-тюрк. *botuq* «годовалый верблюжонок» (< пратюрк. **botu* id.) – староп.-монг. *botuqun*, х.-монг. *ботго*, калм. *ботхн*, бур. *ботогон* id.; др.-тюрк. *taj* «жеребёнок; молодой конь» (< пратюрк. **taj* id.) – староп.-монг. *tayilaγ* «самец верблюда до кастрации (от 3-х до 4-х или 5-ти лет)», х.-монг. *тайлаг*, калм. *тээлг*, бур. *тайлаг* id.; др.-тюрк. *atan* «холощенный (рабочий) верблюд» – староп.-монг. *atan*, х.-монг. *ат*, калм. *атн*, бур. *атан* id.

Тюркскими же по происхождению являются и некоторые названия частей тела верблюда, ср. например, др.-тюрк. *joydu* «длинная шерсть под шеей у верблюда» – староп.-монг. *joydur* «грива; длинная шерсть на шее (у верблюда или льва)», х.-монг. *зогдор*, калм. *зогёр*, бур. *зогдор* id.; др.-тюрк. *taban* «ступня, подошва» – староп.-монг. *tabaxai* «ступня, лапа (например, верблюда)», х.-монг. *тавхай*, калм. *тавг*, бур. *табгай* «ступня, стопа верблюда»; др.-тюрк. *bük* «сгибаться», *bükri* «кривой, изогнутый, горбатый» – староп.-монг. *bökü* «горб верблюда», х.-монг. *бөх*, калм. *бөхн*, бур. *бүхэн* id.

Если обратится к терминам, относящимся к верблюжьей сбруе, седланию, перевозке вьюков и т.п., то увидим, что староп.-монг. *burantay*, х.-монг., бур. *бурантаг*, калм. *бурнтг* «повод (у верблюда)» восходят к др.-тюрк. *burunduq* id., образованного от др.-тюрк. *burun* «нос»; староп.-монг. *qom*, х.-монг., бур., калм. *хом* «верблюжье вьючное седло (состоящее из куска войлока и двух жердей)» является адаптацией др.-тюрк. *qom* id. (< пратюрк. **qom* id.); староп.-монг. *tengnege* «поклажа, разделенная на две части, сбалансированная на спине животного», х.-монг., бур. *тэгнээ*, калм. *теңнэ* «вьюк, поклажа», образованные от староп.-монг. *tengne* =, х.-монг. *тэгнэ* =, бур. *тэгнэ* =, калм. *теңн* = «нагружать вьюк, вьючить, уравнивая половинки груза», восходят к др.-тюрк. *teñlä* = «сравнивать, приравнивать; отмерять, взвешивать; примериваться, приравниваться, уравнивать», образованному от др.-тюрк. *teñ* «одинаковый, равный, соответствующий; количество, мера»; староп.-монг. *tergen*, х.-монг. *тэрэг*, калм. *тергн*, бур. *тэргэн* «телега» происходит от др.-тюрк. *tergän* id. Тюркским же по происхождению следует считать и сам возглас «Сөг! Сөг!» (староп.-монг. *sökü*), при помощи которого монголы заставляют верблюда опуститься на колени, восходящий к

древнетюркскому глаголу *sök* = «преклонять колени, опускаться на колени», ср. калм. *сөгд* =, бур. *хүгэдэ* = х.-монг. *сөгдө* = «класть земной поклон; вставать на колени». Можно предположить, что древнетюркское *qatqaq* «перекати-поле» – название одного из самых распространённых кормовых растений верблюдов – лежит в основе староп.-монг. *qatqaγul*, х.-монг., бур. *хамхуул*, калм. *хамхул* «перекати-поле».

Сравнение тюркских и монгольских терминов по крупному рогатому скоту показало следующую картину: др.-тюрк. термин *öküz* «бык, вол» (< пратюрк. **(h)ökez*, ср. тат. *үгез*, чув. *вӑкӑр* id.) в монгольских языках представлен в виде староп.-монг. *йкер*, х.-монг., бур. *ухэр* «крупный рогатый скот; бык; корова», калм. *укр* «корова»; др.-тюрк. *buqa* «бык-производитель» (< пратюрк. **buqa* id.) – староп.-монг. *буқа*, х.-монг. *бух*, калм. *бух* (*бухъ*), бур. *буха* «бык-производитель»; др.-тюрк. *inäk-inäk* «корова» (< пратюрк. **in(i)gäk* id.) – староп.-монг. *йниен* «дойная корова» (< др.-монг. **ünigen* < ***inük-en* id.), х.-монг. *үнээ*, бур. *үнеэн*, калм. *үнэн* id. Старописьменное монгольское *туγул*, х.-монг., бур. *тугал*, калм. *туһл* «теленка (до одного года)» не удастся этимологизировать, опираясь на монгольские языки, но оно хорошо расшифровывается, исходя из тюркских языков: в нем явственно прослеживается тюркский глагольный корень *tuγ* = «рождаться», имеющий вариант *toγ* = (< пратюрк. **toγ* = «рождать», «рождаться»; ср. др.-тюрк. *toγ* = «рождаться; возникать, появляться; восходить – о светилах»), при этом *-ul* является ни чем иным, как ламбдаирующим вариантом тюркского отглагольного имяобразующего аффикса *-iŷ*. Именно эту тюркскую словообразующую модель можно проследить в слове *тогуш* у барабинских тюрков, означающем «детеныш козули» [РСЛ III, 1165]. Др.-тюрк. *buzaγu* «теленка» (< пратюрк. **buzaγu* / **buzayū*, ср. тат. *бызау*, чув. *бырай* id.) – староп.-монг. *бирayu* (< др.-монг. **bīrayū*), х.-монг. *бярүү*, бур. *буруун*, калм. *бүрү* «бычок (в возрасте от года до двух)».

Староп.-монг. *deleng*, х.-монг., бур. *дэлэн(г)*, калм. *делң* «вымя» восходит к пратюрк. **jelin* «вымя» [см. также ЭСТЯ 1989, с. 180-181]; староп.-монг. *širke* «красная вошь», х.-монг. *ширх*, бур. *шэрхэ* «вошь скота» восходят к общетюркскому слову *сирке* «гнида» [ЭСТЯ 2003, с. 268-270].

Общетюркское слово *saγ* = «доить» [ЭСТЯ 2003, с. 137-140], как и др.-тюрк. *saγ* = «доить», прослеживается в староп.-монг. *saγa* =, х.-монг. *саа* =, бур. *һаа* =, калм. *саа* = id.; др.-тюрк. *sayīm* «удой, надой молока» – староп.-монг. *sayam*, х.-монг. *саам* «кобылье молоко; удой, надой», бур. *һаам*, калм. *саам* «удой, надой»; тюркские *быш* = / *биш* = [Севортян 1978, с. 309-310], башк. *беше* = «пахтать, сбивать кумыс, масло», кирг. *быш* = «доводить до готовности; взбивать, взбалтывать, сбивать, пахтать», др.-тюрк. *bīš* = «доводить до готовности» (*er qīmiz bīšdi* «мужчина [встряхиванием] довел кумыс до готовности») представлены в ламбдаирующей форме в монгольских языках: староп.-монг. *būli* =, х.-монг., калм. *бүл* =, бур. *бүлэ* = «пахтать, взбивать кумыс, масло».

Многие монгольские названия молочных продуктов хорошо этимологизируются на материале тюркских языков. Так, например, староп.-монг. *aγarča*, х.-монг., калм. *аарц*, бур. *аарса* «род творога; творожистая масса, остающаяся после перегонки молочной водки», староп.-монг. *aγaruul*, х.-монг. *ааруул*, бур. (диал.) *аарюул* «сушеные изделия из аарсы» по всей вероятности являются производными от общетюркского глагола *акар* = ~ *агар* = «белеть» [Севортян 1974, с. 117] < общетюрк. *ак* «белый»; староп.-монг. *ayīraγ*, х.-монг., *айраг* «кумыс», бур. *айраг*, калм. *ээрг* «род кислого

молока» по всей вероятности являются адаптацией тюркского *айран* «род кислого молока» < общетюрк. *айыр* = «отделяться» [Севортян 1974, с. 111]; староп.-монг. *basilay* ~ *bišlay* «род сыра», х.-монг. *бяслаг*, *бяшлаг*, бур. (диал.), *биһалаг* // *бяһалаг*, ойр. *башлаг* ~ *башлиг* «сыр домашнего приготовления» имеют тюркское происхождение, ср. алт., тув., тоф. *быштак* «род домашнего сыра» (< *быш* = «зреть, спеть; вариться»), хак. *пызлах* «род прессованного творога» (< *пыс* = «зреть, поспевать»), кирг. *быштак* «творог из кипяченого молока» (< *быш* = «созревать, доходить до готовности»), уйг. *пишлак* «творог» (< *пиш* = «поспевать, спеть, зреть»), ср. также саг. *пыслак* «сыр из творога» [РСЛ IV, 1320], шор. *пышлак* «сыр из творога» [РСЛ IV, 1323]. Об общетюркском характере глагольной основы *быш* = «поспевать; вариться» см. [Севортян 1978, с. 161-162]. Староп.-монг. *qurud*, х.-монг. *хурууд* «сушеный, прессованный творог», бур. *хурууд* «спрессованный творог; самодельный сырок» восходят к др.-тюрк. *qurut* «курут, высушенный творог» (< пратюрк. **qurut* «сушёный творог, сыр») < др.-тюрк. *quru* = «сохнуть», калм. *хурсн* «сушёный творог (в виде круглых лепешек)», ойр.Синьцз. *хурсан* «сушеные лепешки из бозо (бозо – гуца, остающаяся после перегонки молочной водки)» [Тодаева 2001], бур. *хурһан* «самодельные пряники (изготовленные из квашеного молока и ягод черемухи)» тоже содержат тюркский глагол *куру* = «сохнуть»; др.-тюрк. *tar* «пахта», якут. *тар* «замерзшая простокваша (приготовленная из снятого кипячёного молока)», прослеживаются в староп.-монг. *taraγ*, х.-монг., бур. *тараг*, калм. *тарг* «род простокваши (из снятого молока)»; староп.-монг. *tosun*, х.-монг. *тос*, бур. *тоһон*, калм. *тосн* «сливочное масло» не имеют этимологии на материале монгольских языков, в то время как его корневой компонент **to* =, остающийся после вычленения именного суффикса *-sun*, находит возможное соответствие в древней тюркской глагольно-именной синкретической основе **to* = с семантикой «насыщаться», которая прослеживается в древнетюркских словоформах *to* «жидкая мучная похлебка», *toq* «сытый» (< **to* = «насыщаться»), *toj* «пир, пиршество», *tod* =, *tod* =, *toz* =, *toj* = «насыщаться»; староп.-монг. *kiram*, х.-монг. *хярам*, калм. *кимр* «смесь молока с водой», бур. (диал.) *хямар сай* «очень слабый чай, забеленный молоком» восходят к др.-тюрк. *qimīz* «кумыс» (< пратюрк. **qumuz* id.), являясь его ротацирующим вариантом; староп.-монг. *uγuraγ*, х.-монг., бур. *уураг*, калм. *уург* «молозиво» являются ротацирующей формой др.-тюрк. *oγuz* «первое молоко, молозиво», об общетюркском характере которого см. [Севортян 1974, с. 405-407].

Сравнение монгольских и тюркских терминов по мелкому рогатому скоту показало, что староп.-монг. *qonin*, х.-монг. *хонь*, бур. *хонин*, калм. *хөөн*, ойр.Монг. *хөй* ~ *хоин* ~ *хөөн* [Цолоо 1988], ойр.Синьцз. *хөөн* ~ *хоин* «овца» являются адаптацией др.-тюрк. *qojin* ~ *qojun* ~ *qoj* ~ *qon* id. (< пратюрк. **qoni* id.); староп.-монг. *qiča*, х.-монг. *хуц*, калм. *хуц* [хуцъ], бур. *хуса* «баран-производитель» восходят к тюркскому корню *qoč* «баран», зафиксированному в древнетюркском языке наряду со словоформами *qočnar* «баран-производитель», *qočiŋar*, *qočqar* «баран» (< пратюрк. **qočnar* // **qoč* «баран-производитель»); староп.-монг. *quraγan*, х.-монг. *хурга*, бур. *хурьган*, калм. *хурһн* «ягненок до года» восходят к ротацирующей форме др.-тюрк. *qozi* ~ *quzi* «ягненок» (< пратюрк. **qozu* id.); староп.-монг. *kenje*, х.-монг. *хэнз*, бур. *хэнзэ*, калм. *кенз* «родившийся осенью, поздно (о молодняке скота); отава, вторая трава» восходят к др.-тюрк. *kenč* «детёныш животных; ребенок» (< пратюрк. **kenč* ~ *kenje* «младший из детей»; подробнее о тюркском характере этого слова см. [ЭСТЯ 1997, с. 44; Севортян

1980, с. 20-21]); староп.-монг. *imaγan*, х.-монг. *ямаа*, бур. *ямаан*, калм. *яман* «домашняя коза» восходят к др.-тюрк. *imya* «коза», ср. др.-тюрк. *jimya* «самка дикого горного козла» (< пратюрк. **jumya* id.); староп.-монг. *teke*, х.-монг. *тэх*, бур. *тэхэ*, калм. *тек* [*тэке*] «козел; самец дикого горного козла» восходит к др.-тюрк. *tekä* «козел» (< пратюрк. **täkä* «козёл; дикий козёл»); староп.-монг. *išigen*, х.-монг. *ишиг*, бур. *эшэгэн*, калм. *ишк*, ойр.Синьцз. *ишге* ~ *ишиген* «козленок до года» восходят к др.-тюрк. *ečki* ~ *ečki* «коза» (< пратюрк. **äjkä* > *äčki* id.); староп.-монг. *töl*, х.-монг., калм. *тол*, бур. *түл* «приплод; молодняк» восходят к др.-тюрк. *töl* «детеныш; момент родов», которое имеет генетическую связь своим элементом **tō* = с древнетюркским глаголом *törü* = «происходить, возникать, рождаться, появляться» – ср. староп.-монг. *törü* =, х.-монг., калм. *төр* =, бур. *түрэ* = id.

Тюркскими по происхождению оказываются, по нашему мнению, и монгольские названия некоторых самых распространенных у монгольских народов мясных кушаний, изготавливаемых как из мяса, так и из внутренностей домашних животных. К таким кушаньям, прежде всего, следует отнести домашнюю колбасу, которая в старомонгольском языке называется *kim-a*, при этом у Лессинга *kim-a* – сырое мясо оленя или рыбы, у О. Ковалевского *kim-a* – мясо или рыба, нарезанные пластинками. Ср. бур. (диал.) *хиима* || *ишима* «вареная колбаса из рубленого мяса», отмечается в эхирит-булагатском говоре как слово, отсутствующее в литературном бурятском языке [Матхеев 1968, с.32]. По устному сообщению исследователя говора ононских хамниган Д. Г. Дамдинова, у них тоже бытует слово *киима* «домашняя колбаса из рубленого мяса, жира, мозгов». У К.М. Черемисова [1973] слово *хиимэ* приводится как синоним к слову *зрезэжэ* «самодельная колбаса из крови, печени и жира», к сожалению, без указания на говор. Калм. *кииме* «толстая кишка у коровы», х.-монг. *хям* «колбаса» имеют прототипом тюрк. *qijta* «нарезанный на мелкие кусочки», ср. др.-тюрк. *qijta* в сочетании *qijta iğre* «тесто, нарезанное мелкими кусочками», уйг. *кийма* «фарш (измельченное мясо)», узб. *кийма*, тур. *кыйма* «рубленое мясо, фарш», аз. *гиймэ* «фарш (молотое мясо)», кирг. *кыйма* «срезанный наискось»; кирг. (южн.) «мясо, мелко нарезанное на фарш», ног. *кыйма* «домашняя колбаса», кум. *кыйма* «кусочек», алт. *кыйма* «кушанье из кишок, начиненных потрохами», хак. *хыйма* «прямая кишка у лошади; кушанье из кишок, начиненных мелко рубленным мясом и жиром», якут. (по Пекарскому) *кыйма* «икра; кишки». Тюркологи считают это слово производным от общетюркского глагола *кый* = «резать на мелкие кусочки, крошить, рубить» [ЭСТЯ 2000, с. 200; РСл II, с.702-703].

Из внутренностей забитых животных в пищу употребляют обычно вареные желудок и его части – сычуг, книжку, сетку, названия которых пришли в монгольские языки из древнетюркского языка. Так, например, др.-тюрк. *kerğük* «сетка желудка овцы» (< *ker*=*ger*= «распирать, растягивать, натягивать» см. [Севортян 1980, с. 23-24]) прослеживается в староп.-монг. *kerkineg*, х.-монг. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг* «сетка (один из отделов желудка жвачных животных)»; др.-тюрк. *sarqaniq* ~ *sarqajiq* «требуха» (< общетюрк. *sarqanaq*~*sarqınaq* «книжка – часть желудка жвачных; сычуг; требуха», см. [ЭСТЯ 2003, с. 205-206]) сохраняется в староп.-монг. *sarkinaγ*, х.-монг. *сархинаг*, бур. *сархинсаг*, калм. *сэгрцг*, ойр.Синьцз. *сэгерцег* ~ *саңгирцаг* «сычуг, часть желудка жвачных».

Обычно принято считать, что термины коневодства, свиноводства и собаководства, представленные в монгольских языках, не имеет тюркских

соответствий. Действительно, лошадь имеет общее монгольское название *morin*, соответствующее тунгусо-маньчжурским *морин* ~ *мурин*, в тюркских языках это *at*; свинья имеет общемонгольское название *yaqai*, тунг.-маньч. *олгиан* ~ *улеян*, тюрк. *toñuz*, *layzin*; собака имеет общемонгольское название *noqai*, тунг.-маньч. *ина* ~ *цина*, тюрк. *it* ~ *йit*. Другие половозрастные названия этих животных тоже своеобразны в монгольских языках и не совпадают с тюркскими, ср. например, староп.-монг. *gegün*, х.-монг. *гүү*, бур. *гүүн*, калм. *гүн* «кобыла» – тюрк. *бей* ~ *бийе* id. [Севортян 1978, с. 106]; староп.-монг. *инауан*, х.-монг. *уанага*, бур. *унаган*, калм. *унһн* «жеребенок до года» – тюрк.: общетюрк. *qulun* id. [Щербак 1961, с.91]; староп.-монг. *dayaуan*, х.-монг. *даага*, бур. *дааган*, камл. *дааһн* «двухлетний жеребенок» – общетюрк. *tai* id. [Щербак 1961, с.91]; староп.-монг. *tegejin*, х.-монг. *мэгж*, бур. *мэгэжэ*, калм. *мегжэ* «свиноматка» – тюрк. *tiši toñuz* id.; староп.-монг. *bodung*, х.-монг., бур. *бодон(г)*, калм. *бодң* «вепрь» – тюрк. *er toñuz* id.; староп.-монг. *torai*, х.-монг, бур. *торой*, ойр.Синьцз. *тораа* «поросенок» – тюрк. *toñuz oğlu* id.; староп.-монг. *ölegčün*, х.-монг. *өлөгч*, бур. *үлэгшүн*, калм. *өлгчн* «самка собаки» – тюрк. *tiši it* id.; староп.-монг. *gendü*, х.-монг. *гэндүү*, *эр нохой*, бур. *эрэ нохой*, калм. *эр ноха* «самец собаки» – тюрк. *er it* id.; староп.-монг. *gölüge*, х.-монг. *гөлөг*, калм. *кичг* «щенок» – др.-тюрк. *enük* id.

Хотя коневодческая терминология в монгольских языках, в основном, специфична, все же и здесь встречаются несколько терминов явно тюркского происхождения, ср., например, в языке западных бурят имеется слово *адаһан*, означающее не только «скотина, домашнее животное; скот», но и «лошади, кони, табун» [Черемисов 1973, с. 31а], в составе которого прослеживается общетюркское слово *at* «лошадь, конь» [Севортян 1974, с. 197-198], восходящее к пратюрк. **at* id.; староп.-монг. *ajrya* (< **adrya* < ***adiryа*), х.-монг. *азрага*, бур. *азарга*, калм. *ажрһ* «жеребец» является вероятной адаптацией др.-тюрк. *adyir* (~ *ajyir*, *adyir* id.), образованного, по мнению Э.В. Севортяна [1974, с. 108], от тюркского глагола **ай=*, **ад=*, **ад=*, **аз=* «возбуждаться (похотью)», «покрывать (о животных)» (ср пратюрк. **aDryr* «жеребец»); староп.-монг. *оториш*, х.-монг. *омруу*, бур. *оморюун*, калм. *омрун* «грудь лошади» является адаптацией ротацерирующей формы тюрк. *омуз* «плечо; спина, холка коня; грудь коня» [Севортян 1974, с.454-455]; староп.-монг. *kilyasun* (< др.-монг. **qilyasun*), х.-монг. *хялгас*, бур. *хилгааһан*, калм. *киһсн* «конский волос» являются адаптацией общетюрк. *qıl* «волос» (ЭСТЯ 2000, с. 204-205; < пратюрк. **kylk* «волос; конский волос»); староп.-монг. *del*, х.-монг. *дэл*, бур. *дэлһэн*, калм. *дел* «грива лошади» имеют прототипом тюрк. *јел* «грива лошади», восходящее к пратюрк. **je:l(e)* id. (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989, с. 178]); староп.-монг. *dalang*, х.-монг., бур. *далан(г)*, калм. *далң* «подгривный жир лошади» имеют прототипом тюрк. *јал* id., восходящее к пратюрк. **ja:l* «загривок, подгривный жир лошади» (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989, с. 85-87]).

Тюркское происхождение имеют также некоторые части конской сбруи, например, староп.-монг. *qudary-a*, х.-монг. *худрага*, бур. *хударга*, калм. *худрһ* «подфeya, подхвостная шлея седла» – восходят к древнетюркскому слову *qudiryyn* «подхвостник», этимологически связанному с др.-тюрк. *qudrug~qudirug~qudrug* «хвост» (< пратюрк. **kudruk* id.; ср. пратюрк. **qudiryyn*, **qudiryan* «подхвостник»); староп.-монг. *kömlüdürge*, х.-монг. *хомолдpог*, бур. *хүмэлдэргэ*, ойр.Синьцз. *көмелдерге* ~ *көмөлдүрге* «нагрудная шлея конского седла» восходит к др.-тюрк. *kömlüdürük* «нагрудный ремень лошади» (< пратюрк. **kömlüdürük* id. < др.-тюрк. *köñül* «сердце»),

ср. также, бытующие в тюркских языках *гөмүлдүрүк* ~ *комүлдүрүк*, образованные по мнению Севортяна от общетюркского *көңүл* ~ *гөңүл* «грудь» при помощи тюрк. суффикса *-турук* [Севортян 1980, с. 72]; староп.-монг. *olung*, х.-монг. *олон(г)*, бур. *олом*, калм. *олң*, ойр.Синьцз. *олоң* «подпруга конского седла» – тюрк. *олоң* ~ *улаң* id. (<ула= «связывать», см. [Севортян 1974, с.447]).

Если обратимся к монгольским терминам, относящимся к особенностям выпаса скота, характеру пастбищ, включая водные источники, кормовые травы, особенности ландшафта и т.п., и сравним их с соответствующими тюркскими, то увидим, что монгольские языки во многом сохраняют эти тюркские термины. Так, например, староп.-монг. *otur*, х.-монг. *отор* «впас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весною; пастбище», бур. *отор* «летник, заимка; летняя ферма; дальнее пастбище», калм. *отр* «отгонный (о пастбище)», староп.-монг. *oturla*=, х.-монг. *оторло*= «выгонять скот на отгонные пастбища, пасти скот, выгонять на подножный корм», бур. *оторло*= «перекочевывать со скотом на летние пастбища, на альпийские луга», калм. *отрч* «пастух (на отгонных пастбищах)» восходят к тюрк. *отар* «пастбище», образованному по мнению Э.В. Севортяна [1974, с. 488] от древнего тюркского глагола *ота*= «пасться (на отгонном пастбище)» < общетюрк. *от* «трава» (< пратюрк. **ot* id.); староп.-монг. *ölüng ebesün*, х.-монг. *өлөн өвс*, бур. *үлэн үбһэн*, ойр.Синьцз. *өлең* ~ *өлөң*, ойр.Монг. *өлөң* «осока» восходят к пратюрк. **öleñ*, значения которого Э.В. Севортян [1974, с.528] определяет как, «трава; свежая трава; мягкая трава; ковыль, потничная трава, пырей; малопитательная трава; осока; вид травы, растущей в местах, где нет проточной воды; сочное растение; сено; лужайка; зеленый; пастбище; насаждения; топь; мокрый, влажный; степь; пустыня», ср. др.-тюрк. *ölän* «лужайка» (< др.-тюрк. *öl* «мокрый, влажный»); староп.-монг. *qılayan-a*, х.-монг. *хялгана* «ковыль», бур. *хилгана* «мятлик; ковыль сибирский», калм. *килһ өвсн* «острец» сохраняют пратюрк. **qylıyan* «ковыль», в основе которого лежит тюрк. *qyl* «конский волос, щетина» [ЭСТЯ 2000, с. 204-205, 208-209]; староп.-монг. *qaryana*, х.-монг. *харгана*, бур. *харгана-харганаан* «караганник, степная акация» восходят к тюрк. *қараған* id. [ЭСТЯ 1997, с. 293-294]; староп.-монг. *baldaryana*~ *balčirıyana*, х.-монг. *балдаргана-балчиргана*, бур. *балишаргана*, калм. *балчирһи* «борщевик» восходят к пратюрк. **baltyryan* id., в основе которого прослеживается пратюрк. **baltyr* «икра ноги; голень», что более чем вероятно, поскольку стебель растения борщевика похож на голень животного. К названиям кормовых пастбищных трав, имеющих тюркское происхождение, следует отнести также староп.-монг. *kiyaу*, х.-монг. *хиаг*, бур. *хяаг* «пырей», ср. слово *қыйақ* «осока, пырей, трава с режущими острами листьями», образованное от тюркского глагола *қый*= «резать наискось» и широко представленного в тюркских языках [ЭСТЯ 2000, с. 201-202].

К словам, характеризующим местность, на которой расположены пастбища, следует отнести староп.-монг. *taу*, х.-монг. *таг* «горное плато» (< общетюрк. *taу* ~ *day* «гора» < пратюрк. **ta:у* id.); староп.-монг. *qudduу*, х.-монг., бур. *худаг*, калм. *худг* «колодец», сохраняющее древнетюркскую форму *quduq* ~ *quduу* id., образованную, по всей вероятности, от др.-тюрк. *qud*= «лить» [ЭСТЯ 2000, с. 1190120]; староп.-монг. *bulaу*, х.-монг., бур. *булаг*, калм. *булз*, ойр.Синьцз. *булаг* «родник; источник; ключ», восходящее к др.-тюрк. *bulaq* id.; данное слово является общетюркским, его значение Э.В. Севортян дает как «родник; фонтан; ручей; канал, арык; водоем; замерзшая наледь возле родника; первая трава, выросшая у воды; зеленая местность с источником; горная

долина; ушная болезнь, при которой из уха течет кровь; поток из уха; золотуха» и обосновывает его тюркскую этимологию [Севортян 1978, с.257-258]; староп.-монг. *γoul* «река; русло рек; долина; большое озеро», х.-монг., бур. *гол* «река; долина реки», калм., ойр. *хол* «река» связаны своим происхождением с тюркским *qol ~ qool* (< пратюрк. **qo:l~*go:l* «река») со значениями «долина; желоб для стока воды; речонка, очень малекнькая речка» [ЭСТЯ 2000, с. 43], ср. др.-тюрк. *qol* «долина»; староп.-монг. *ǰilya*, х.-монг., бур. *жалга* «овраг, лощина, ложбина, впадина, ров, балка, узкий лог», калм. *жалһ* «балка, ложбина», ойр.Монг. *ǰилһ* «овраг; балка» восходящее к тюркскому слову *yil* «река; ущелье, долина» [ЭСТЯ 1989, с. 277], образованному от тюркского глагола *yil*= «извиваться», лежащего в основе тюркских слов *yılan* «змея», *yilyun ~ yilyin* «тамариск», *yildiz* «корни растений»; староп.-монг. *qašīyan* (< **qasiyan* < ***qasiyan*) «изгородь, ограда; дамба, плотина», х.-монг. *хашиаа* «забор, изгородь, ограда, частокол», бур. *хашиаа* «ограда, забор, изгородь; загон (для скота); столб, стойка (в ограде)», калм. *хсша* «забор, ограда, двор» восходят к др.-тюрк. *qasī* «загон для скота, связанный из прутьев».

Кроме того, к тюркским по происхождению относится и староп.-монг. *alčay* и х.-монг. *алчаг*, означающее «шалаш, хижина, лачуга, балаган», а также слово *alačuk* «палатка, шатёр, шалаш», зафиксированное в «Сокровенном сказании монголов» 1240 года (§ 118: ... *aduičün bidan-o alačuk-a yurtuyai!* «...для табунщиков наших шалаш готов!»), т.е. жилище пастухов и табунщиков, ср. др.-тюрк. *alaču* «шатёр» (< тюрк. **alaču* «временное жилище»), широко представленное в современных тюркских языках в виде *алачық, алажық, алачу* со значениями «шалаш, шатёр; лачуга, домишко, хижина», о чём подробнее см. у Э.В. Севортяна [1974, с. 130-132]. Также заимствованием из тюркских языков следует считать староп.-монг. *оңиу*, х.-монг. *оңог* - своеобразный таган, состоящий из трёх камней, устанавливаемых в костре, на которые ставится котёл для приготовления пищи. Слово представляет собой адаптацию др.-тюрк. *оңиу* «очаг, печь» (< др.-тюрк. *otčiq~otči, očağ* id. < общетюрк. *ot* «огонь; костёр», см. подробнее [Севортян 1974, с. 422-425]).

Как можно видеть из приведенного здесь материала, номадная лексика монгольских языков достаточно хорошо сохраняет тюркские соответствующие термины, составляющие единый тематический комплекс. Появление тюркизмов этого комплекса можно объяснить тем, что часть протобулгарских племен (с самоназванием *огур*), поскольку данные тюркизмы характеризуются признаком ламбдаизма и ротацизма, кочевавших в глубокой древности в степях Центральной Азии и занимавшихся молочным скотоводством, будучи завоеваны монголами и включенными в их этнический состав, образовали среди них особую этническую группу, получившую смешанное название **огур монгол* (ср. современное х.-монг. *оор монгол* «настоящий монгол») и перешли, постепенно, на монгольский язык, по сути дела язык адстрата. При этом омонголенные огуры сохранили очень много элементов своего протобулгарского языка-субстрата, в том числе и свою номадную терминологию, и внесли их в усвоенный ими древний монгольский язык, который вследствие этого, получил смешанный характер.

Литература

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Казань. 1844-1849. Т. I-III.

Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.

Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животноводству // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Новикова К.А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979.

Номинханов Ц.Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Алма-Ата, 1959. Т. I.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. № 2.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.

Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988.

Clouston G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.

Lessing F.D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Принятые сокращения

Названия языков, диалектов, говоров

аз.	-	азербайджанский язык
алт.	-	алтайский язык
башк.	-	башкирский язык
бур.	-	бурятский язык
бур. (диал.)	-	бурятское диалектное слово
др.-тюрк.	-	древнетюркский язык
калм.	-	калмыцкий язык
кирг.	-	киргизский язык
кирг. (южн.)	-	южные говоры киргизского языка
кум.	-	кумандинский диалект хакасского языка
ног.	-	ногайский язык
общетюрк.	-	общетюркский язык
ойр.	-	ойратский язык
ойр.Монг.	-	язык ойратов Монголии
ойр.Синьцз.	-	язык ойратов Синьцзяна КНР
пратюрк.	-	пратюркский язык
саг.	-	сагайский диалект хакасского языка
староп.-монг.	-	старописьменный монгольский язык
тат.	-	татарский язык
тоф.	-	тофаларский язык
тув.	-	тувинский язык
тунг.-маньчж.	-	тунгусо-маньчжурские языки
тур.	-	турецкий язык
тюрк.	-	тюркский язык
узб.	-	узбекский язык
уйг.	-	уйгурский язык
хак.	-	хакасский язык
х.-монг.	-	язык халха-монголов
чув.	-	чувашский язык
шор.	-	шорский язык
якут.	-	якутский язык

Названия источников

- РСл (I,II,III,IV) - Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1-4. СПб., 1893-1911.
- ЭСТЯ 1989 - Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989.
- ЭСТЯ 1997 - Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междюркские лексические основы на букву «К-Қ». Выпуск первый. М.: «Языки русской культуры», 1997.
- ЭСТЯ 2000 - Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междюркские лексические основы на букву «К». Выпуск второй. М.: «Индрик», 2000.
- ЭСТЯ 2003 - Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003.

SUMMARY

The article is devoted to the problem of interaction of Turkic and Mongolian languages, in particular, to Turkic influence on lexicon of the Mongolian languages. The problem is considered on the example of the nomad lexicon of the main Mongolian languages: Mongolian, Buryat, Oirat and Kalmyk.

The complex of terms includes not only sex- and age- specific terms of five kinds of cattle, but also the names of parts of a body of these animals, the terms connected with their economic use, the characteristics of pastures, fodder grasses.

Our research has shown that the formation of all these terms is connected with the Turkic language, in particular, with ancient Bulgar language, i.e. the language of Ogurs, which acts as a substratum-language.